

Рэйнбоу Дэш топала через рынок Понивилля, тяжёлым взглядом зыркая на всё и вся и вдумчиво подмечая всё вокруг. Потому что Рэйнбоу Дэш всегда поступала разумно и всегда вдумчиво рассматривала вещи, и она сердито зыркала на всех, кто посмел бы считать иначе.

Молодая, востребованная, красивая, даже горячая, невероятно умная и определённо не грубиянка, она абсолютно точно была уверена во всех тонкостях и нюансах судьбы. Вдумчивый подход был важен. Рэйнбоу Дэш особенно тяжело зыркнула на торговавшего бананами жеребца, чтобы показать, насколько она вдумчивая. Метафорически или символически, а может, сразу вместе. Возможно, это даже значит одно и то же.

При всём многообразии и изменчивости в мире так важно вдумчиво смотреть повсюду. А ещё важно быть уверенным. У каждого должен быть островок уверенности в этом изменчивом мире. Скала, которая не дрогнет перед лицом надвигающихся перемен, нечто неизблемое, вечное, что-то, в чём можно быть абсолютно точно уверенным.

Был такой остров и в жизни Рэйнбоу Дэш — её абсолютная убеждённость, что она не варварская, нецивилизованная дикарка, будто вчера из леса убежавшая, не знающая, как вести себя, и разговор с которой подобен диалогу с задом бегемота.

Вполне очевидно, что все, кто говорил иначе, совсем не знали, о чём говорят. Они были абсолютно точно, даже смехотворно не правы. Чтобы это доказать, Рэйнбоу Дэш громко рассмеялась. А когда все пони вокруг настороженно на неё оглянулись, она снова вдумчиво на них посмотрела. Очень вдумчиво. И все отвернулись. Но как бы то ни было, она доказала свою точку зрения.

А любой, кто был уверен, что это не смешно, наверняка был каким-то чопорным единорогом, слишком много придающим внимания вещам, до которых всем пофиг.

Ярко-красная птичка пролетела по улице прямо перед Рэйнбоу Дэш, пегаска вдумчиво посмотрела и на неё. Певчие птички кружили всюду вокруг, наслаждаясь ранней весной. Ранней весной, что Рэйнбоу Дэш устроила для них. Конечно, многие помогли ей, но это именно Рэйнбоу Дэш собрала подписи под петицией мэру с просьбой одобрить раннюю весну, именно она разработала план в Центральном Погодном Бюро, именно она в отсутствие Твайлайт Спаркл смогла организовать уборку зимы. Это всё Рэйнбоу Дэш сделала для Рэри... них. Для птичек, певчих. Потому что Рэйнбоу Дэш всегда они нравились, или что-то такое. Она ведь тоже почти как птичка. Ну, почти. Крылья ведь есть.

Но получила ли она благодарность за свои старания?

Ну так-то да, было много благодарностей. В честь ранней весны устроили целый праздник, где её поблагодарили лично, и на следующее утро тоже. И ночью позже.

Но не сейчас. Одна крохотная ошибка, и все эти птички мгновенно забыли обо всём, что Рэйнбоу сделала для них, и даже называли её “невыносимой грубиянкой”. Не то чтобы она вообще сделала какую-то ошибку. Она вообще ничего плохого не сделала. Кроме того, что проделала задарма такую огромную работу. Привела пораньше худшее время в году. Рэйнбоу Дэш ненавидела весну. Дурацкая весна. Она зыркнула на птиц вокруг, чтобы показать, насколько эта весна дурацкая.

Рэйнбоу Дэш надеялась, что всё это скоро смоем ураганным дождём, все эти цветущие цветочки, поющих птичек. Она устроит самый жёсткий шторм, что когда-либо видывал Понивилль. Она им покажет! Покажет!

Рэйнбоу Дэш наконец заприметила лоток Роуз и протопала напрямик к нему.

Роуз заметила её, улыбнулась и помахала.

— Эй, Рэйнбоу! Ранняя весна была великолепной идеей. Я никогда прежде не продавала столько цветов в это время года. Надо бы каждый год так делать.

— Даже не рассчитывай.

— Оу. — Улыбка Роуз пропала, но вскоре снова вернулась, сияя ещё ярче. — Чем я могу помочь тебе?

— Мне нужны цветы. Все, — сказала Дэш.

Улыбка Роуз снова пропала.

— Все?

— Все.

Роуз моргнула.

— Совсем-совсем все?

— Ты ведь продаёшь цветы, так? — спросила Дэш, указывая на лотки с цветами.

— Ну да.

— Так вот, я хочу все твои цветы, — повторила Дэш.

Роуз почесала голову.

— Так тебе нужны все-все цветы?

— Да, до единого.

— До единого?

— Да, совершенно все.

Роуз закусила губу.

— Но... это много цветов...

— Мне и нужно много цветов, — прорычала Дэш. — Поэтому я покупаю много цветов.

Роуз всё ещё нерешительно переминалась.

— Никто прежде не покупал все цветы сразу. Может быть, есть какое-то правило, запрещающее это.

— Правило, запрещающее покупку цветов?

— Правило, запрещающее покупку ~~всех~~ цветов, — поправила Роуз.

Рэйнбоу Дэш опустила голову к седельным сумкам, достала увесистый кошелек и кинула его на угол стойки.

— У меня есть деньги.

Улыбка Роуз расцвела пуще прежнего.

— Это отличный аргумент, мадам. Я пришла к решению, что правил, запрещающих покупку всех цветов не существует.

— Да-да, давай мне цветы уже.

— Погоди, они для Рэрити? — уточнила Роуз.

Рэйнбоу Дэш вдумчиво зыркнула на неё, и на цветы, и на певших птичек вокруг, и на всё, что было в радиусе зырка.

— Нет.

Роуз не выглядела убеждённой.

— Значит, ты покупаешь эти цветы, потому что?..

— Потому что я люблю цветы.

Рэйнбоу Дэш всегда любила цветы. То, как они пахнут, как выглядят, какие они на вкус и... как они пахнут. Для чего ещё нужны цветы? Поливать их?

Роуз спокойно наблюдала за ней из-за прилавка, тихонько посмеиваясь.

— Ну, если тебе интересно, любимые цветы Рэрити — гардении. У меня они тоже есть, достаточно много.

— Давай все, — произнесла Дэш. — И мне не важно, что они любимые цветы Рэрити, потому что Рэрити вечно нравятся всякие дурацкие штуки.

Роуз повела бровью.

— Так ты продашь мне цветы или что?

Роуз вздохнула.

— Как же ты собираешься их утащить?

Рэйнбоу Дэш указала на седельные сумки.

— Ты и правда думаешь, что все эти цветы поместятся туда?

Рэйнбоу Дэш взглянула на заваленные цветами шкафы. А потом посмотрела на сумки. Потом посмотрела на двух пони, прошедших рядом. А потом снова на цветы. И снова на сумки.

— Я вернусь, — сказала Дэш, кладя кошелек на прежнее место на дне одной из сумок. И потопала от прилавка прежде, чем Роуз успела что-либо сказать, встречая все взгляды, направленные на неё вдумчивыми холодными зырками. Потому что лучше уж будет холодная зима, чем дурацкая весна. И на санках покататься и так... всякое.

Конечно же Рэйнбоу Дэш не думала, что все цветы поместятся в её маленькие сумки. Это было просто смешно. И она чувствовала себя оскорблённой до глубины души, что Роуз могла хотя бы подумать о таком. Что за дурой надо быть, чтобы требовать все цветы, имея с собой только маленькие сумочки? Полной дурой, совершенно точно.

Рэйнбоу Дэш протопала к ферме “Сладкое Яблочко”, но, как ни странно, не слыша звуков ударов копыт. Весна была особенно дурацкой на ферме “Сладкое Яблочко”. Вокруг цвели яблони, и всё вокруг неё было таким ярким и цветным, миллионы розовых и белых цветов шелестели от каждого дуновения тёплого ветерка. Всюду пели птицы, летая от цветка к цветку.

Рэйнбоу Дэш никогда не слышала столь остервенелых ляганий, как у Эпплджек. Дэши не знала точно, почему Эпплджек так ненавидит яблони. Может быть, они обижали её в юности, или, может быть, они пнули её собаку, или на ферме особо нечем было развлечься. А теперь же ничего не было слышно. Видимо, эта весна настолько дурацкая, что даже Эпплджек надоело пинать яблони...

Даже после того, как Рэйнбоу Дэш взлетела, всё, что она видела — это бескрайняя мешанина разноцветных яблочных соцветий. И она не видела никаких Эпплджек, потных

или каких бы то ни было. Так что Рэйнбоу принялась наворачивать круги вокруг сада, ища взглядом земнопони.

После дней поисков, а может даже недель, — таким долгим ей это показалось, — она наконец заметила вспышку оранжевого цвета среди цветов и немедленно направилась к ней.

Подлетев ближе, она обнаружила, что оранжевый, к счастью, принадлежал Эпплджек. И что Эпплджек с гигантскими ножницами в копытах отрезала ветви яблонь. В любой другой день пегаска поддразнила бы Эпплджек Эдвардом и развела бы монолог про эволюцию копыт в орудия труда для облегчения оно́го, но сегодня она просто нахмурилась.

Эпплджек приветливо улыбнулась и помахала Рэйнбоу.

— Приветтики, Рэйнбоу!

Дэш приземлилась перед Эпплджек и скривилась.

— Почему ты сегодня не лягаешь яблони? Я целую вечность искала тебя.

— Нет особого проку в обтряхивании яблок, когда самих яблок-то и нету, — ответила Эпплджек, откладывая в сторону ножницы. — Так что сегодня мы просто подрезаем деревья.

Рэйнбоу Дэш взглянула вверх на деревья, удостоверившись, что и вправду на них не было ни единого яблока. Бедная Эпплджек. Наверное, она ненавидит весну ещё больше Рэйнбоу. Ведь как существуют Эпплджеки без... яблок?

Просто как Джеки? Никто не хотел бы такой жизни.

— Соболезную о твоей утрате, — проговорила Рэйнбоу Дэш.

— Что?

— Не важно, — отмахнулась Дэш, снова начав вдумчиво зыркать. — Мне нужна одна из твоих тележек, и тебе запрещается спрашивать зачем, понятно?

Эпплджек в ступоре смотрела на неё несколько минут, пока лукавая ухмылка не появилась на её лице.

— Это из-за вашей маленькой перепалки с Рэрити прошлым вечером?

— Нет, — быстро ответила Дэш. — И вообще, откуда ты знаешь?

— Я там была.

— Не важно, — вновь быстро ответила Дэш. — Так у тебя есть тележка?

Эпплджек уже открыла рот, собираясь что-то сказать, но тут её осенило:

— У вас это первая ссора, что ли?

— Какая разница?

Эпплджек кивнула.

— Думаю, так и есть. Я бы сильно не волновалась об этом. Первый раз всегда самый сложный. Потому как он первый. Но не стоит убиваться из-за этого. Иногда любимые ссорятся. Это просто ещё одна часть отношений. Вы с Рэрити пройдёте через это. Вы ведь так хорошо подходите друг другу.

— Эм, да... — Рэйнбоу стояла, чертя копытом землю. — Спасибо.

— Всегда пожалуйста. — Эпплджек ухмыльнулась. — Кстати, ты была такая милая, когда расстаралась ради ранней весны под её день рождения. Я уверена, это сделало её счастливой.

— Я делала это не ради неё, — пробурчала Дэш.

Эпплджек рассмеялась.

— Конечно. Тележки за сараем, но привези обратно, как закончишь. Удачи.

— Спасибо, — ответила Дэш и улетела. Она снова сфокусировала взгляд своих зыркалок на объекте и понеслась к нему.

Эпплджеки они такие, лучшие. Но Джеки тоже оказались ничего.

Рэйнбоу Дэш снова топала по рынку Понивилля. Теперь, таща за собой тележку, полностью набитую белыми цветами, ей было сложно зыркать на всё вокруг.

Роуз так и не позволила ей купить все цветы. Хотя Рэйнбоу была уверена, что правила, запрещающего это, не было. А если и было, то Рэйнбоу Дэш не подчиняется глупым правилам.

И теперь вместо тележки, доверху набитой разными цветами, Рэйнбоу Дэш волокла тележку с определёнными цветами. Роуз сказала, что это были Гар... что-то. Название не имело значения, совсем. Роуз также сказала, что гар-что-то — любимые цветы Рэрити. Рэйнбоу не волновало, какие любимые цветы у Рэрити, но она заключила, что Роуз лучше разбирается в цветах, ведь это её работа. И было бы опрометчиво пренебрегать её советами, а Рэйнбоу очень вдумчивая кобыла. Она всегда слушала других, когда те лучше разбирались в чём-то. Когда официант порекомендовал ей томатную пасту вместо картошки, она отказалась и заказала сенбургеры. У неё был сильный желудок. Когда Роуз рекомендовала ей гар-что-то, Рэйнбоу Дэш немного поспорила, но потом поняла, что у неё нет денег, чтобы купить все цветы с прилавка, а значит, гар-что-то по совершенно не зависящим от Рэрити причинам стали лучшим выбором. Роуз даже сложила их в милые букетики.

Зыркнув на них, Дэш заметила, что гар-что-то странным аллегорическим способом выглядели точь-в-точь как Рэрити. Потому что Рэйнбоу Дэш точно знала, что такое аллегии, и она даже сильно топнула, подчёркивая это. Гар-что-то были нежно-белого цвета, точно такого же, как шёрстка Рэрити, а лепестки были сложены самым элегантным образом. Просто прекрасно, правда. Рэйнбоу Дэш даже подумала, что Рэрити лично придумала их. Всё, что придумывала Рэрити, было прекрасно.

Платья Рэрити очаровывали Рэйнбоу Дэш. Ну ладно, не платья. Рэйнбоу не придавала значения платьям, само создание платьев её очаровывало. Художественные таланты Рэйнбоу ограничивались аляповатыми рисунками пони в тетрадках. Но здесь, не имея ничего, кроме вдохновения и материи, Рэрити творила искусство. Каждый день из ничего Рэрити делала мир прекраснее и делала это так уверено и с такой грацией, что даже Вандерболты могли позавидовать. Иногда Рэйнбоу сама желала такой уверенности при исполнении трюков, какая была у Рэрити во время проектирования платьев.

— Они действительно ми... — начала было Рэйнбоу, но быстро осеклась, поняв, что стоит одна посреди улицы, и захлопнула рот.

А самым худшим в гар-что-то было то, что они пахли как парфюм, который обычно носила Рэрити. Каждый раз, когда Рэйнбоу забывала об этом, она чувствовала запах и

думала, что Рэрити идёт прямо за ней, и каждый раз, когда она оборачивалась, чтобы сказать ей что-то, она обнаруживала, что её рядом нет. И Рэйнбоу оставалось лишь вздыхать и топтать дальше, но увы, теперь она не могла даже порядочно зыркать.

Рэйнбоу Дэш разглядела вдалеке очертания “Сахарного Уголка” и вновь вспомнила важность вдумчивого поведения.

Кстати об этом. Рэйнбоу вспомнила ещё одну непреклонную истину. И заключалась эта истина в том, что Рэрити не была плаксивой гордячкой, не умеющей развлекаться иначе, кроме как размазывая макияж по лицу, пусть даже это лицо — такая поразительно милая мордашка.

Рэйнбоу Дэш не могла называть имён. Ведь стукачей не любят, если бы она стуканула, с ней бы больше не играли в хуфболл на переменах и к ней бы больше никто не подсел на обеде. Но любой, кто мог сказать подобное, должен чувствовать себя очень плохо, потому что это очень злая, опрометчивая ложь, которую просто нельзя произносить.

По какой-то причине Рэйнбоу Дэш внезапно почувствовала себя чуточку плохо.

Рэрити немного плаксивая и привередливая, но не в плаксивом и привередливом смысле. Она была утончённо-самостоно-горделива и привередлива. Рэрити была удивительно талантлива, и она прекрасно знала, что удивительно талантлива. Рэйнбоу Дэш очень хотела знать, как она это делает, как излучает уверенность с каждым шагом, каждую секунду каждого дня.

Рэйнбоу Дэш прошла мимо столиков на открытом воздухе подле “Сахарного Уголка”, где несколько пони улыбались и лакомились сладостями, радуясь ранней весне, что Рэйнбоу Дэш дала им. Некоторые пони были какими-то неблагодарными, как показалось пегаске, и она сплюнула на землю.

Но не эти, эти улыбались, махали Дэш и говорили, как они ей благодарны, но некоторые...

Она открыла входную дверь “Сахарного Уголка”, проталкивая за собой тележку. Понадобились некоторые усилия, чтобы пройти внутрь, но, к счастью, Рэйнбоу Дэш была по крайней мере в десять раз умнее дверей, и спустя пару скрипов и немного содранной краски Рэйнбоу в компании с тележкой оказалась внутри.

— Рэйнбоу Дэш! — Улыбаясь, миссис Кейк подошла к кассе. — Я так рада, что ты пришла. Погода просто замечательная! Думаю, нам нужно бы взять это в привычку.

Рэйнбоу Дэш проворчала и подошла к прилавку. Она не видела никого, кроме миссис Кейк. Видимо, мистер Кейк был на кухне, а все покупатели ели снаружи.

Миссис Кейк глянула на тележку, и её улыбка дрогнула.

— Вижу, ты... притащила тележку в магазин. И... сломала косяк. Как это... мило. Полагаю, это вызвано какой-то особой причиной?

— Мне нужно наполнить её, — пояснила Дэш.

— Ну конечно. — Миссис Кейк кивнула и снова улыбнулась. — Чего желаешь, дорогая?

Дэш взглянула на прилавок, где ровными рядами стояли пироги, торты, эклеры, круассаны, брауни, кастеллы, тирамису, чизкейки и всякое другое, что она не знала.

— Всё, — ответила Рэйнбоу Дэш.

Улыбка миссис Кейк снова дрогнула.

— Всё?

— Всё.

— Ты имеешь в виду пробники?

— Нет, — сказала Дэш. — Я имела в виду всё.

— Каждого по одному?

— Всё, что есть.

Миссис Кейк отступила назад и подозрительно покосилась на неё.

— С тобой всё в порядке, дорогуша?

— Я голодна, — ответила Дэш. — И особенно голодна при виде этих шоколадных сердечек, если, конечно, у вас ещё есть. Ещё лучше, если они в форме сердечек. Я очень голодная, когда дело доходит до шоколадных сердечек.

— Оу. — Улыбка миссис Кейк вновь расцвела, и кондитерша даже подмигнула. — Это ведь для Рэрити, да?

— Нет, — быстро ответила Дэш. — Это для меня.

Миссис Кейк рассмеялась.

— Никто не покупает сладкое для самого себя в День .Сердец и Копыт.

— Это для моей... шиншиллы.

Конечно, у Рэйнбоу Дэш была шиншилла. Его звали Григорий Она купила его в зоомагазине в Кантерплоте. Он был фиолетовый, но, правда, она не видела его уже несколько лет, поэтому твёрдой уверенности в том, какого он сейчас цвета, не было. А его любимая еда были конфетки в форме сердечек, они составляли весь его рацион.

— Что за шиншилла? — спросила миссис Кейк.

— Собака... в форме баклажана.

Миссис Кейк одарила её долгим изучающим взглядом.

Дэш даже закусила губу.

— Ладно, — наконец произнесла миссис Кейк. — Рэрити каждый месяц заказывает коричневые сфоглиателлы. Она всегда говорит, что это маленький подарок для себя. Я уверена, она будет рада, если кто-то подарит ей именно их.

— Не важно, что нравится Рэрити, — пробурчала Дэш.

— Я их приготовлю, — ответила Кейк, улыбаясь так, будто знала что-то, чего не знала Дэш. — Ты ведь не против подождать?

Рэйнбоу вздохнула.

— Нет. Конечно нет.

Миссис Кейк кивнула и направилась к двери.

— Постойте, — остановила её Дэш.

— Да?

Рэйнбоу Дэш потрогала один из букетов гар-что-то и сказала:

— Спасибо.

— Нет проблем, дорогая, — ответила мисс Кейк и, улыбаясь, прошла на кухню.

Рэйнбоу Дэш распрягла себя, села в одно из кресел и начала думать, что это за коричневые сфоглиателлы такие? Звучало скорее как имя инопланетянина, нежели как что-то съедобное. Может быть, это и вправду инопланетяне? Жареные и покрытые

шоколадом. Рэйнбоу Дэш почувствовала себя несколько взволнованной. Она никогда прежде не пробовала инопланетян.

Рэйнбоу Дэш направилась в сторону Королевской Ювелирной Лавки, но поняла, что не в силах больше идти. Видимо, это было из-за полной тележки. Это был тяжкий труд — одновременно вдумчиво топать, зырая на всё вокруг, и тянуть за собой тяжёлую тележку. Миссис Кейк упаковала пару коробочек сладостей и положила их меж букетов. К огромному разочарованию Рэйнбоу, сфоглиателлы оказались не запечёнными инопланетянами, а просто большими слоёнными... штуками. Довольно дорогими штуками. Миссис Кейк сказала, что только несколько пони во всём Понивилле заказывали их. Рэйнбоу Дэш хотела было попробовать одну, но остановилась. Они не для неё.

Рэрити никогда не использовала в своих платьях ракушки, потому как она говорила, они были безвкусными. Она что, их... ела? Рэйнбоу была не совсем уверена, что имела в виду Рэрити, говоря “безвкусными”, но это не было особо аппетитным. Нет, не то как говорила Рэрити. Голос Рэрити всё мог сделать аппетитным. Рэйнбоу Дэш представила, как Рэрити говорит ей всякие чудные слова вроде “фондю” и “жираф” в своей неповторимой, кокетливой манере, будто нараспев. И ей вдруг захотелось фондю и жирафа.

Пока Рэйнбоу Дэш, вовсе не топая, шла по улице, она заметила множество отдыхающих вместе пар. Казалось, что у каждого в городе есть пара. Они все ходили, целовались, обжимались и миловались, шутили друг над дружкой и смеялись, ну или просто сидели на скамейках, наслаждаясь солнышком и пением птиц. Прямо перед Рэйнбоу Дэш, будто их совсем не касалось, что она их видит.

Рэйнбоу Дэш нахмурилась. Никакая в мире тележка не сможет помешать ей хмуриться, даже самая-самая тяжёлая.

Она не ради них устроила это солнышко и пение птиц. Нет, она устроила их для себя и Рэрити, и ни для кого другого. А если она не может насладиться этим вместе с Рэрити, значит, никто не сможет. Это ведь логично. Всё равно, что они съели бы именинный торт, когда именинник подавился вишенкой и умер прямо на празднике, не успев попробовать этот торт. Это было бы ужасно. Но Рэйнбоу не могла просто взять и приказать им побыстрее убираться, несмотря на то, насколько их поведение было ужасным и некорректным, а ещё она хотела, чтобы и с ней погуляли.

И она начала делать вид, будто Рэрити сейчас рядом с ней. С этим запахом гар-что-то это было не так сложно, ведь они пахли точь в точь как Рэрити. Она даже почти убедила саму себя и даже порой оборачивалась. Она представила, как бы они говорили и шутили, как они делали это всегда, так, будто и не было никакой ссоры. И когда они бы замолчали, она бы даже украдкой прижалась бы к Рэрити. Рэрити любит такое, когда никто не смотрит. А может быть, она даже и чмокнула бы её. Совсем быстро, так, что даже поцелуем назвать нельзя было бы.

И тут Рэйнбоу Дэш осознала третий принцип своей жизни. И звучал он примерно так: ей точно не стоило рассказывать кому-то, что они с Рэрити спят вместе, особенно после

того, как Рэрити об этом специально попросила, потому что они встречались всего пару недель и Рэрити не хотела, чтобы кто-то думал о ней как о “такой кобылке”.

Рэйнбоу Дэш не знала, что за “такие кобылки”, но судя по всему они с Рэрити были именно такими кобылками, ведь они спали вместе. А если они с Рэрити такие кобылки, значит, это скорее всего клёвые кобылки, ведь они-то с Рэрити клёвые кобылки. Но если Рэрити думала, что такие кобылки не были клёвыми, Рэйнбоу Дэш оставалось лишь уважать её мнение.

Рэйнбоу Дэш также не стоило говорить этого перед всеми друзьями. И родителями Рэрити. И Свити Белль. И конечно не стоило говорить это во время ужина, устроенного Рэрити с такой тщательностью. Рэрити так поработала над этим ужином, что он должен был стать идеальным, он и был идеальным, пока Рэйнбоу не открыла рот.

А ещё ей не стоило детально описывать всё то, что они вместе с Рэрити вытворяли. И сопровождать это звуками для наглядности, пожалуй, тоже не стоило.

Не то чтобы Рэйнбоу Дэш случайно накося...

Ну нет. Это вот точно неправда. Рэйнбоу Дэш твёрдо знала, что вечером будет званый ужин. И она точно знала, что скажет, и даже потренировалась в звуковых эффектах для рассказа. Так что это точно не была случайность.

Почему бы Рэйнбоу Дэш не хотеть рассказать всем, что они с Рэрити делают вместе? Рэйнбоу определённо хотела рассказать как можно большему количеству пони. Она хотела написать это на небе облаками. Потому что она встречалась с Рэрити! С самой горячей, умной и талантливой кобылкой во всём Понивилле. А может, и в Эквестрии. И теперь-то всё было взаправду, а не мелким флиртом. Ведь сложно сказать, где кончаются хорошие друзья и начинаются отношения, но она точно знала, что друзья не спят вместе.

Рэрити не встречалась с кем попало. У неё были стандарты. И каким-то совершенно мистическим образом Рэйнбоу Дэш попала под эти стандарты. И она даже не бросила её после первой ночи. Они встречались уже несколько недель. И Рэйнбоу Дэш не просто попала под эти стандарты, она ещё и спала вместе с ней. Рэйнбоу Дэш точно знала, что это самое замечательно, что с ней случалось. Конечно же, Рэйнбоу Дэш рассказала всем на следующий же день о их ночных утехах и даже приготовила звуковые сопровождения для пущей аутентичности. Ведь она знала точно, что практика ведет к совершенству.

Но Рэрити попросила её этого не делать, а это значит, что Рэйнбоу Дэш этого делать не следовало.

Рэйнбоу вздохнула и потащила тележку вперёд. Теперь она не могла даже хмуриться.

— Ты не сможешь позволить себе всё это, — сказал задиристо выглядящий жеребец за стойкой “Принцессиных драгоценностей”. Рэйнбоу Дэш точно знала, что он задиристый, потому что он носил галстук. Только задиристые жеребцы носят галстуки. А Рэйнбоу терпеть не могла задиристых жеребцов. Кроме Рэрити. Которая даже не была жеребцом.

— И с тележками в магазин нельзя, — добавил задиристый жеребец, фыркнув.

— Ну, она уже тут. — Рэйнбоу Дэш указала на витрины, заполненные сверкающими драгоценностями. — И я могу позволить себе всё это, так что начинай загрузку.

— Я абсолютно уверен, что ты не потянешь.

— Я подруга принцессы, ну, точнее, всех принцесс сразу, — ответила Дэш. — Как насчёт того, что я позову их и они сравнят с землёй твой маленький глупенький магазинчик?

Он самодовольно усмехнулся.

— Давай. Иди. Почему бы не попытаться.

— Я сделаю это! — закричала она.

— Вперёд. Я подожду, — ответил он.

Рэйнбоу Дэш зыркнула на него и серьёзно обдумала, а может ли она попросить какую-то из принцесс взорвать магазин? Наверное, всё же нет. Хотя они и задолжали ей по-крупному. Может быть, Принцесса Луна будет достаточно... убедительна, и он согласится отдать Рэйнбоу Дэш все драгоценности. Интересно, Королевская благодарность может выразиться в виде вооружённого захвата и ограбления?

— Ну, — сказал он, прикрывая зевок копытом, — почему же ты не идёшь звать своих подруг принцесс?

— Ты что, не знаешь, кто я? — спросила Дэш.

— Не-а.

— Ты хоть раз заглядывал в газеты? Потому что я там часто мелькаю.

Он сморщил нос, будто Дэш предложила ему навернуть пирога из грязи.

— Я не читаю газет. В них грязные простопонины пишут свои грязные истории о своей грязи. Не очень-то большая честь мелькать часто в таких вот... газетах.

Рэйнбоу Дэш закатила глаза.

— Пофиг. У меня есть деньги и место, куда это положить, так что поторопись и стаскивай сюда сверкающие штуки.

— Говоришь, у тебя есть деньги? — Задиристый жеребец усмехнулся и указал на ожерелье прямо перед ним. — Знаешь, сколько стоит это ожерелье?

Рэйнбоу Дэш взглянула сквозь стекло прилавка. Ожерелье, на которое указал жеребец, было достаточно большое, чтобы полностью скрыть под собой всю грудь пони. Это скорее выглядело как футболка из золота, а не ожерелье. Каждый дюйм был устлан алмазами, сверкающими, словно поверхность чистейшего озера в солнечный денёк. Наверное, это ожерелье было тяжёленьким. Рэйнбоу Дэш задумалась, а сможет ли она подняться в воздух с таким вот якорем на шее? Наверное, это ожерелье для тренировки. Выносливости или чего-то такого.

— Сотню бит? — сделала она догадку.

— Восемнадцать тысяч, — ответил задиристый жеребец, тихо и очень задиристо усмехнувшись. — А теперь ты точно уверена, что у тебя есть деньги, чтобы купить тут всё? У тебя есть деньги, чтобы купить хотя бы это?

— Зачем вообще что-то столь дорогое? — спросила Дэш. — Ты думаешь, что кто-то купит это?

Смешок превратился во вздох.

— Возможно когда-нибудь пони с хорошим достатком появятся в этом городишке. А теперь... У тебя есть деньги? Почему бы тебе сперва не проверить свой счёт в банке?

— В Понивилле есть банк?

— Так у тебя есть деньги или нет?

— Нет, — признала Рэйнбоу. Она вздохнула и положила оставшуюся у неё горстку монет на прилавок. — Что я могу купить на это? Хотя что-то, пусть даже маленькое.

Задиристый жеребец фыркнул, пересчитав деньги.

— На это ты сможешь купить что-нибудь с изъёмом. Такое я держу тут.

Он указал на витрину позади неё, чуть меньше, чем все остальные. Рэйнбоу Дэш прошла до неё и принялась разглядывать находящееся внутри. Рэйнбоу смотрела на море синего, красного, зелёного и оранжевого перед ней в виде многочисленных брошек, подвесок, ожерелий или браслетов. Многие из них выглядели сломанными или покорёженными. Рэйнбоу Дэш понятия не имела, что делает одно ювелирное украшение лучше или хуже другого, и она ещё меньше понимала, какое из них будет счастлива получить кобылка вроде Рэрити. Ей повезло с Роуз и миссис Кейк — они заранее знали, что будет лучше для Дэш, теперь же она была сама по себе.

Когда она уже чуть было не отвернулась и не сдалась, одно из ожерелий поймало её взгляд. Это был маленький деформированный сапфир на простой серебряной цепочке. Но он был цвета глаз Рэрити, и Рэйнбоу чувствовала себя менее одиноко, глядя на него. Она ничего не понимала в ювелирном деле, но этот кулончик ей понравился. Может, он понравится и ещё кое-кому

Она указала на него.

— Я возьму его.

— Отличный выбор. — Задиристый жеребец впервые за всё время улыбнулся по-настоящему.